

ГАЛИНА РОМАНОВА

ОБМАНИ
МЕНЯ
КРАСИВО

Спасти
свою жизнь

Галина Владимировна Романова
Обмани меня красиво
Серия «Детективы Галины
Романовой. Метод Женщины»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73797813

Галина Романова. Обмани меня красиво: Эксмо; Москва; 2026

ISBN 978-5-04-244872-0

Аннотация

Обман... От него до предательства и измены всего один шаг... Именно эта беда пришла в счастливую жизнь красавицы Полины. Любимый муж Евгений обманывает ее! Об этом регулярно сообщает по телефону неизвестная женщина, делая существование Полины просто невыносимым. А затем приходит новое несчастье – при странных обстоятельствах погибает супруг сестры... Полина в ужасе: она выяснила, что в мир иной ему помог отправиться именно Евгений... Что делать? Начать следить за ним, чтобы, следуя советам телефонной доносчицы, попытаться вывести на чистую воду? Или, бросив все, бежать прочь, пытаясь тем самым спасти хотя бы свою жизнь?..

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	21
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Галина Романова

Обмани меня красиво

© Романова Г.В., 2026

© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2026

Глава 1

Апрель был любимым временем года для нее. Вся грязь смывалась с мартовским половодьем и дождями. Подсыхали лужи, оставляя после себя нечеткие контуры, напоминавшие границы неведомых государств на географических картах. Из-под старой листвы, которую не успели собрать до первого снега, начинала буйно лезть трава. Сочная такая, яркая, удержаться и не выдернуть пучок было просто невозможно. А выдернув, как не растереть в ладонях и не втянуть в себя ее пряный запах... Такой мог быть только у апрельской травы. Никогда потом она не пахла такой свежестью, растревоженной легкими заморозками, серебрившими ее по утрам. Потом все будет не так. Все начнет набирать силу и утратит прелесть будоражащего ожидания.

Именно в таком будоражащем ожидании и жила последние дни Лиза. Внутри все бродило и томилось, все ждало перемен, к которым, как она считала, была давно готова. Созрела, как сказал вчера отчим. Сказал, прищуриив хмельные глаза и совсем не осознавая, что попал в ту самую точку, с которой начинается отсчет всему.

Лиза остановилась у подъезда дома, в котором жила, и подняла глаза к своим окнам. Света не было. Мать сегодня дежурила, а в ночное дежурство у нее всегда что-нибудь да происходило. То соьют кого-нибудь на скоростной трассе,

которая опоясывает их город. То наркомана привезут. Так что опасаться ее вмешательства в планы сегодняшнего вечера было не нужно. Отчим вечно пропадал последнее время, это тоже было кстати. Видеть его особенно не хотелось. Ходили слухи, что старый кобель нашел себе молодую любовницу-разведенку и таскается к ней теперь в каждое ночное дежурство матери. Лиза, конечно же, могла вмешаться, и влюбленному козлу давно бы вправили мозги. Но не хотелось. Не хотелось, во-первых, влезать в их сложные взаимоотношения, понять которые она так и не смогла. Во-вторых, ей было некогда этим заниматься. Она была на пороге таких великих перемен, что распылять себя на что-то еще значило поставить крест на своих планах. Этого допускать никак было нельзя.

Она вставила ключ в замок, дважды провернула и через минуту, войдя в квартиру, заперла за собой дверь. Щелкнула выключателем. Яркий свет под потолком осветил просторную прихожую. «Все как у людей», – любила говорить ее мать, совсем не зная, как это может быть у людей-то. По ее плебейским понятиям, людьми считались те ее коллеги, которые имели квартиру, дачный участок в четыре сотки, «Жигули» и ежегодный отпуск на заплыванных сочинских курортах.

Смешно! Лиза многозначительно улыбнулась своему отражению в большом зеркале, которое родители вытащили из старого трюмо и примостили к двери встроенного в нишу

шкафа.

Разве это может считаться показателем достатка?! Это все мелко! Ничтожно мелко, это за версту воняет обывательской ограниченностью. И это все не для нее, вот уж точно! И если мамочка со своим козлом-мужем думает, что ее дочь пойдет по ее стопам, то она очень сильно заблуждается. Она сама выберет себе жизненный путь. Она ни за что не повторит печальный опыт своей докторши-матери, вышедшей в первый раз замуж за педиатра-неудачника, спившегося на четвертый год их совместного бытия, а во второй – за кадрового военного, методично и планомерно взимающего мзду с косящих от армии призывников.

Нет, уважаемые родители! Это все не про нее! К черту ваши планы относительно ее судьбы! К черту и к дьяволу, а может, это одно и то же лицо, но пусть все катится именно туда! Скоро, уже очень скоро она перестанет быть просто Лизой, умной, серьезной девушкой. Уже очень скоро она произведет фурор! Она заставит эту жизнь спиралью закручиваться именно вокруг ее скромной персоны, а не вокруг кого-нибудь еще. У нее уже все готово. Осталось только немного доработать ее безукоризненный план и дожидаться летних каникул, и тогда...

Лиза медленным движением стянула с шеи тонкий шарфик. Сдернула с волос резинку, распуская волосы по плечам. Раньше они никогда ей не нравились: она находила их чересчур густыми, чересчур прямыми и чересчур тяжелыми, да и

цвет не особо радовал – цвет прелой соломы, только такую оценку давала Лиза своей шевелюре. Она даже завидовала подругам, у которых на висках и затылке закручивались миленькие колечки. Но потом все изменилось. Изменилось в тот самый момент, когда ОН сильными руками ухватил ее за затылок и, пропуская пряди ее волос сквозь пальцы, прошептал:

– Милая моя... Какие у тебя волосы шикарные. Я ни разу в своей жизни не видел ничего подобного! Никогда не вздумай их подстригать, слышишь!

Она лишь согласно кивнула, не смея сказать, что, прикажи он ей прыгнуть сейчас в костер, возле которого они грелись, она бы прыгнула не раздумывая. А тут стрижка! Великое дело!..

Лиза собрала волосы и подняла их повыше, открывая тонкую грациозную шею – кожа гладкая и белая. ОН находил ее потрясающе нежной. Едва касался губами вот этого самого места, чуть ниже мочки ее уха, и говорил, говорил, обдавая ее СВОИМ дыханием, от которого у нее отнимались ноги и делалось страшно пусто в животе. И ей – стыдно признаться самой себе – так хотелось, чтобы он не останавливался, чтобы ОН продолжал, чтобы ЕГО руки не наталкивались на невидимую преграду, останавливаясь на уровне ремня ее джинсов, а делали что-то еще. Что-то такое, чего жаждало ее тело и просила ее душа.

Господи, Лиза и представить себе не могла, что у нее мо-

жет быть душа! До недавнего времени она была просто кле-
вой девчонкой, равной которой в волейболе не было, у кото-
рой были классные сиськи и самые ништячные ноги. И во-
обще, она была телка с понятием и не орала всякий раз как
резаная, когда ей пару раз вlepили со всей силы по лицу мя-
чом. И деньги не жала. И диски у нее были отпадные. И все
у нее было при всем. Но вот о том, что у нее есть душа, не
знала даже она сама.

А душа эта самая неожиданно начала выделявать с ней
дикие вещи. Заставляла томиться и плакать, когда ОН долго
не звонил и не приезжал. Потом вдруг заходилаcь безудерж-
ным весельем и просила чего-то большего, такого, что ОН
пока не мог ей дать.

– Ты же у меня такая умница, ты же все понимаешь, – мяг-
ко увещевал ОН ее, когда Лиза, истосковавшись, начинала
искать с ним встречи. – Не нужно торопить время, его у нас
с тобой – вся оставшаяся жизнь. Все еще у нас с тобой будет.

Будет! Лиза едва сдерживалась, чтобы не фыркнуть воз-
мущенно в телефонную трубку. Когда еще это будет?! Она
за это время успеет сто раз состариться, и климакс у нее две
сотни раз наступит, и морщинами успеет сверху донизу по-
крыться, и целлюлит тут как тут – не дремлет. Неужели так
сложно понять? Ей же надо сегодня и прямо сейчас видеть
ЕГО! Слышать ЕГО голос, замирать от счастья, когда ОН на-
зывает ее «», или «милая моя», или «маленький мой»... В
этом была такая чудовищная прелесть! Когда ЕГО немно-

го грубоватый голос нежно так выговаривал с собственническими интонациями: «милая моя». Господи, Лиза визжать была готова уже только от одного этого. Это тебе не подростковые сопли по щеке вроде: «Лизка, ты ваще... Ты, блин, ваще, целуешься так...» Одного такого прошлогоднего опыта с Сашкой-соседом ей хватило, чтобы поставить крест на всяких отношениях с ровесниками.

С НИМ все было другим. Все было чарующим, неизведанным. Ему можно было довериться, не опасаясь, что он начнет краснеть, сопеть и отстраняться от тебя вздыбившейся частью своих брюк, вроде она такая идиотка и не понимает, что у мальчика наступила эрекция оттого, что он осмелился первый раз в своей жизни невзначай коснуться ее груди!

ОН не боялся! Не боялся ничего. ОН трогал ее, правда, все больше через одежду. И прижимал к себе так тесно, что она чувствовала собой каждый дюйм его крепкого мужского тела. И ощущала дикое желание, выхода которому он не давал. И с ума сходила от того, как ОН глухо, почти неслышно стонал, вжимая ее в себя. Она и сама пару раз не сдержалась и тихо, с подсвистом простонала и готова уже была просить ЕГО о том запретном, о чем день и ночь ее предупреждает мама. Но ОН вовремя уловил момент и отодвинулся, тут же начав говорить о чем-то нейтральном...

Лиза стянула кроссовки, аккуратно поставила их под вешалкой. Повесила на крючок куртку и пошла к себе в комнату. Там царил полумрак. Светилось лишь огромное пятно

монитора. По привычке тут же подошла к компьютеру и шевельнула мышь, прогоняя заставку. Сообщений не было... Что же, все правильно. ОН не станет так рисковать. В ее комнату вход не был заказан ни матери, ни отчиму. Последний так вообще любил пройтись по порносайтам. Лиза его однажды застукала за этим занятием. Он пытался что-то сбивчиво объяснить ей и краснел при этом, как подросток. Но она давно уже перестала быть дурочкой и все поняла еще с порога.

Лиза вообще стала очень понятливой девушкой с тех самых пор, как в ее жизнь вошел этот человек. Понятливой и еще послушной. Ему не нужно было повторять ей дважды, как это делала мать, например. Она улавливала все по повороту его головы и по едва уловимому движению его губ.

Однажды они сидели в кафе в совершенно чужом городе, где их никто не мог знать. Пили кофе, ели вкусные воздушные пирожные и болтали ни о чем. Потом за ее спиной звякнула дверным колокольчиком дверь, и тут же лицо ЕГО напряглось. Лиза сразу поняла, что вошел кто-то, кто мог знать ЕГО. Она среагировала молниеносно: взяла надкусанное пирожное, завернула его в салфетку, подхватила со спинки стула свой рюкзак и с совершенно отчужденным видом ушла на улицу. У входа она столкнулась с молодой супружеской парой. Супруги, полуобнявшись, приветливо кивали ЕМУ и пытались что-то сказать прямо с того места, где стояли. Мир оказался настолько тесным, что столкнул лоб в лоб двух

компаньонов именно в том месте, где ОН отдыхал со своей любимой, то есть с ней. Все это ОН рассказал ей уже потом, час спустя. А этот час ей пришлось провести на улице. Лиза продрогла до костей, исходила все окрестности этого кафе, пересчитала все деревья и скамейки в скверике, проклиная свою несчастную судьбу, выгнавшую ее из уютного тепла на такой холод. Но стоило ей сесть в ЕГО машину – шикарный серебристый «Лексус», как она тут же забыла обо всех неудобствах. А как было не забыть, когда ОН взял ее озябшие пальцы в свои ладони, поднес их к губам и принялся отогревать дыханием, приговаривая:

– Маленький мой, совсем продрог! Прости меня, ради бога! Я никак не мог от них отделаться, пришлось сочинить целую легенду о том, зачем я здесь... Ты не обиделась?!

Счастливая Лиза лишь отрицательно качнула головой, а через пару дней слегла с жестокой простудой. Мама тогда искудалась: где да где ее дочь могла так сильно простудиться, когда почти из дома не выходит? Поставила ей ошибочный диагноз, мотивируя инфекцией, и тут же успокоилась. Отчим тоже что-то там, кажется, озабоченно крякал, типа – беречь здоровье нужно смолоду, но и он тоже быстро угомонился. Не хотел успокаиваться лишь Сашка.

Во-первых, он достал ее за время болезни своими посещениями. Во-вторых, завалил подарками и советами. А в-третьих, он извел ее вопросами. Лиза просто изнывала от желания наорать на него и выгнать из дома. Сдержалась по при-

чине жалости: слишком уж удрученным выглядел ее сосед и воздыхатель в одном флаконе. Сдержалась еще и из соображений собственной безопасности. Она иногда привирала матери, ссылаясь на то, что время проводила с Сашкой. Мать у него никогда не спрашивала, да Сашка бы и не выдал ее – промычал бы что-нибудь нечленораздельное, а потом бы страдал недели две.

Вот ведь угораздило ее с ним связаться! Сколько раз потом ругала себя за это! Для нее это был первый, ни к чему не обязывающий поцелуй. А для него, как оказалось, все было слишком серьезно...

Не успела Лиза опуститься на стул у компьютера, в дверь позвонили. Девушка метнулась в прихожую и прильнула к дверному «глазку». Вот ведь! Стоило о нем подумать, как он тут как тут!

За дверью и правда стоял Сашка Новиков. И он отчего-то нервничал. Кусал губы, ерошил сильно отросшие волосы и смотрел прямо ей в глаза. Во всяком случае, ей так показалось, потому что взгляд его был направлен прямо в дверной «глазок».

– Ты почему не на тренировке? – выпалила Лиза, открывая дверь. – И раньше времени ушел. Совсем рехнулся?! Неприятностей хочешь? Смотри, возьму и Степке все расскажу, он тебе...

– Чего он мне? – Сашка тяжело посмотрел на нее, зашел в прихожую и тут же запер за собой дверь. – Ремня даст? Мне-

то ничего не будет, Лизок, а вот тебе...

– А что мне! – фыркнула Лиза независимо, тряхнула волосами и пошла из прихожей в гостиную, заведомо зная, что Сашка поплетется за ней и без приглашения.

– А то! – Сашка сел в свое любимое кресло у балкона и тяжело, совсем по-взрослому посмотрел на нее. – Я ведь молчу, молчу, да как начну говорить. Так тебя сразу под замок посадят, дуру!

– Три ха-ха! – Лиза зло прищурилась, охватывая взглядом всю его кряжистую невысокую фигуру. – Думаешь, испугалась тебя, да? Плевать мне на твои угрозы! Можешь трепать что хочешь! Воистину говорят: сила есть – ума не надо! Мышцу накачал и думаешь, крутой стал, да?

– Ну не круче твоего хахаля на «Лексусе», куда уж нам, сирым да убогим! – произнес он с кривоватой ухмылкой и, заметив, что она побледнела, уже более твердо добавил: – Но мы тоже не лохи, поняла? Не нужно воображать, что ты умнее всех. Думаешь, не знаю, где ты зимой простудилась?

– Где же? Может, расскажешь то, чего я не знаю?

Лиза его уже почти ненавидела. Ненавидела всего целиком, с его нелепой физиономией с намечающимся фурункулом на левой скуле, с его дурацкими спортивными штанами, которые вечно сползали у него с бедер, и с его вытянутой выцветшей футболкой с прорехами, которые считались у него стилем. Бред просто! Как она могла с ним целоваться тогда в подъезде да еще позволила себя погладить по талии! Не

иначе с головой у нее было не все в порядке...

– Дура ты, Лизка. – Сашка покраснел до корней своих светлых волос, торчавших клоками в разные стороны. – Неужели не понимаешь, что он тебя поматросит и бросит? Нужна ты ему, как же! Нет, конечно, я его вполне понимаю...

– Что ты понимаешь-то, пенек?! – фыркнула Лиза злобно, перебивая его затянувшийся монолог.

– Я все понимаю, – уверил ее Сашка и скрестил на груди руки в буграх мышц. – Даже больше, чем ты, дуреха.

– Еще раз обзовешь, получишь по фейсу, понял?! – заорала она на него и швырнула в него тапку. – Зачем вообще приперся?! Увидел, что мать на дежурстве и отчим не вернулся... с работы?

– Знаем мы его работу, как же. – Сашка криво ухмыльнулся, вытянул ноги и принялся нервно подергивать ступнями, потом заметил маленькую дырочку на левом носке, снова покраснел и, подтянув под себя ноги, произнес: – Сволочь он, Лизок. Хочешь, я ему морду набью?

– Не твое дело! – поморщилась Лиза, не желая впутывать посторонних во внутрисемейные разборки. – Пусть сами разбираются. Ты в своих проблемах разбирайся, а к нам не лезь.

– У меня, Лизка, сейчас только одна проблема, и ты знаешь, какая именно. – Голос у Сашки заметно подсел, хотя внешне он держался молодцом.

– Представь себе, не знаю. И даже больше того: знать не

желаю. И вообще, что ты ко мне прилип?! По тебе вон половина старшеклассниц с ума сходит, выбирай – не хочу.

– Мне никто не нужен, – еле выдавил он из себя и чуть подался вперед. – Мне, кроме тебя, никто не нужен, Лизок, ты же знаешь! Зачем заставляешь повторять это?! Мне же каждое слово из себя клещами приходится тащить, а ты, блин, как не человек вовсе...

– Я тебя ни о чем не прошу! – отрезала она и, заметив блуждание его глаз в глубоком вырезе своей футболки, тут же обнялась с диванной подушечкой. – Ты иди, Саша. Поздно уже. Придет отчим, начнет потом понимающе крякать. Иди!

Сашка поднялся с кресла, все так же не разнимая скрещенных рук. Напружинившись, как перед прыжком, несколько минут просто молча смотрел на нее. А потом вдруг не к месту спросил:

– Слышала, поход организуют на майских праздниках?

О походе она слышала краем уха. Говорили об избранных. О том, что средств отпущено немало. А еще что-то о том, что будет проведена какая-то замороченная акция на тему выживания в экстремальных условиях. Ей это было неинтересно, потому что должен был приехать ОН. Забрать ее на целых два дня и увезти куда-то. Куда, ОН не стал уточнять. Лиза тут же дала согласие, зная, что мать с отчимом собрались на праздники к бабке. И тут же... тут же поняла: или теперь, или никогда! Они еще ни разу не проводили вместе

ночь. Еще ни разу не лежали в одной постели. А совместная поездка на целых два дня именно это и подразумевала...

– Ты должна там быть, – вклинилось в ее мозг ультимативное Сашкино заявление.

– Что?! – Лиза не столько опешила от самого заявления, сколько от той категоричности, с которой он это самое заявление озвучил, и потом, ей сделалось интересно, и она спросила: – С чего это вдруг?

– Я так хочу! – Он вдруг пошел прямо на нее, остановился в полуметре от дивана, на котором Лиза сидела, опустился на корточки. – Потому что я так хочу, Лизок, и ты так сделаешь. И ничего не хочу слышать! Ты... так... сделаешь, иначе...

– Иначе что? – Внутри неприятно заныло от того, как именно он смотрел на нее.

– Иначе я все расскажу твоей матери об этом крутом козле на «Лексусе». Расскажу, как ты с ним тискаешься на заднем сиденье его машины, почему заболела, как бродила целый час вокруг той забегаловки, где он со своими друзьями не спешил проститься...

– Откуда ты?! – Лиза похолодела, сведения, которыми обладал Сашка, были мало сказать взрывоопасными – пусти он их в ход, родители запросто лишат ее всех надежд на счастливое будущее. – Откуда ты все это знаешь?!

– Неважно. – Он противно ухмыльнулся и тут же, заметив ее испуг, нагло положил ей руки на колени, обтянутые джинсами. – Важно то, что ты должна быть со мной в этом

походе, поняла?

– А если... если не буду? – У нее не было даже сил стряхнуть со своих коленей его горячие ладони, которые жгли ее хуже каленого железа.

– Тогда можешь поставить крест на своей любви, Лизок. Уж я постараюсь, будь уверена! Тебя еще в прошлом году хотели спровадить – куда? Если не ошибаюсь, к двоюродной бабке куда-то в глушь сибирскую? Тогда ты отбрыкалась. Но ведь можно все это и возобновить. Уж туда-то он к тебе не поедет, будь уверена. Да и бабка, по слухам, у тебя цербер еще тот... Так как, Лизок, что скажешь?

– Ты меня шантажируешь? – догадалась она и гадливо перередулась. – Мерзость какая!

– Мерзость в том, что ты сейчас делаешь, Лизок, и не более того, – заметил Сашка и нравоучительно изрек: – Все тайное рано или поздно становится явным. Если станет явным твое тайное, страшно представить что будет.

– Уходи! Уходи немедленно! – Она вскочила и, оттолкнув его так, что он шлепнулся на пол, отбежала на безопасное расстояние. – Убирайся! Видеть тебя не хочу!

– Твой ответ – и я уйду, – упрямо повторил он, не делая попытки подняться, сжал кулаки и принялся постукивать ими себе по согнутым коленям в ожидании ее ответа. – Ну?!

– Хорошо, хорошо, – пробормотала Лиза, растерявшись от того, в какое дурацкое положение попала, и не зная, что отвечать ему. – Я подумаю. Ведь у меня еще есть время?

– Ладно. – Кажется, он даже обрадовался такому повороту. Поднялся с пола, поддернул штаны и пошел, на ходу выговаривая ей: – Только не вздумай, Лизок, оставить меня в дураках. Это опасно, ты же понимаешь...

Она все понимала. Она всегда лучше других понимала, что, как и когда необходимо предпринять, чтобы не попасться. Но что делать сейчас, она не имела представления. Это была катастрофа! Причем катастрофа таких глобальных масштабов, что ей впервые по-настоящему сделалось страшно. Выход был только один: нужно идти в этот чертов поход, будь он трижды неладен!

Лиза обессиленно рухнула на диван, спрятала лицо в подушку и, не сдержавшись, расплакалась злыми безнадежными слезами.

– Гадина! Сволочь ненормальная, чтоб ты провалился! – шептала она, давясь рыданиями. – Что мне теперь делать?!

Как именно она скажет ЕМУ о том, что не сможет провести с ним праздники, Лиза не представляла. Заболеть, умереть, сойти с ума, исчезнуть с лица земли?! Господи, почему так сразу все рушится? Она только-только позволила себе помечтать о запретном, как вмешиваются какие-то неведомые силы и все летит к чертям собачьим. Как? Как она ЕМУ скажет? ОН же слушать не захочет – в лучшем случае, в худшем – рассмеется и пошлет ее куда подальше. Нет, про поход ЕМУ точно ничего не стоит говорить. Нужно придумать что-то до такой степени убедительное, что ОН все сразу

поймет и не захочет с ней расставаться. Она скажет ЕМУ, что... Что?! Она скажет ЕМУ, что мать не оставляет ее одну дома и настаивает на том, чтобы Лиза поехала вместе с ними? Что же, вполне правдоподобно и даже объективно. ОН поверит. Не может не поверить.

А Сашка, гад!.. Пусть не тешит себя мыслью, что раз уж она пошла на поводу у него, то сразу и записала себя в проигравшую команду! Фиг два что у него выйдет! Она на пушечный выстрел его к себе не подпустит. И все его нездоровые желания так желаниями и останутся. Она еще ему покажет, пусть так и знает. Она сумеет сделать так, что этот поход он запомнит надолго...

Глава 2

Все началось как-то вдруг и сразу. Мгновенно закрылось на ровном месте крохотным вихрем. И пошло, и пошло... Разрослось и тут же все смело на своем пути.

Полина тысячу раз пыталась потом вспомнить, в какой же момент оборвалось счастливое течение ее жизни, когда именно беда вползла в ее судьбу трехглавым ядовитым змеем и разом обвила своим гадким осклизлым телом все ее безоблачное существование и забрызгала ядом все вокруг?! Пыталась – и не могла. Понимание пришло, но пришло оно много позже: тогда, когда она уже была способна что-то понимать, взвешивать, переоценивать и мысленно начинать проживать свою недолгую жизнь заново.

Сейчас же, прямо в этот самый момент, она держала у своего уха телефонную трубку и все никак не могла осознать, что хочет от нее незнакомая женщина, упорно старающаяся завладеть ее вниманием.

Звонок был странным уже сам по себе, потому что прозвучал в неурочное время – в восемь тридцать утра. В это время Полина еще спала, ее Женька уже уехал, а Нина Ивановна, помогавшая ей по хозяйству, приходила ближе к двенадцати. В восемь тридцать ей никто и никогда не звонил. А тут вдруг звонок...

– Алло! А кто это? – Женский голос не был ей знаком,

в нем отчетливо проступала напряженность, как если бы человек долго собирался с силами и нервничал, прежде чем решиться на диалог.

– А вам кого, собственно, нужно? – Полина с трудом сосредоточилась, нашла взглядом часы и вновь мысленно ужаснулась. – Что вы хотели?

– Мне нужна Полина, – сказала женщина после паузы и тут же уточнила: – Кириллова Полина. Это вы?

– Да, это я. А что, собственно...

– Ваш муж вас обманывает!.. – В трубке что-то засветело, зашуршало, следом кто-то судорожно вздохнул – или всхлипнул? – и снова: – Ваш муж мерзавец! Он вас обманывает!

– Каким образом? – догадалась Полина спросить, потому что задать хоть какой-то вопрос была просто обязана, понимать-то она по-прежнему ничего не понимала.

– По-разному, – пояснили ей туманно. – Вы – красивая безмозглая кукла, и больше ничего! Он обманывает и использует вас с первого дня вашей совместной жизни. А у вас даже не хватает ума оглядеться вокруг себя и понять, что происходит.

– А что хоть происходит-то? – вскричала Полина, потому что, ну хоть убей, ничего не происходило.

– Скоро... Уже очень скоро вы все поймете. Вам нужно только присмотреться внимательнее, и тогда вы все поймете.

На такой вот загадочной ноте неизвестная дама оборвала

свою обличительную речь в адрес ее Женьки и бросила трубку, так и не сказав, что же ей было нужно на самом деле.

Полина положила трубку на телефонный аппарат, гнездившийся на крохотной полке голубого стекла у нее в изголовье, и какое-то время бездумно рассматривала люстру под потолком в их спальне. Люстра была очень дорогой и очень красивой. Масса завитков, подвесок, переплетений, масса всего того, что вспыхивало, и играло, и отражало, стоило зажечь свет. Потом она сместила взгляд на зеркальный шкаф, занимающий все пространство северной стены: красивый такой шкаф, огромный, вмещающий большое количество модной одежды, которая появлялась на прилавках дорогих магазинов их города. Если убрать из шкафа все эти вещи, то Полина могла бы там запросто прогуляться.

– Бред какой-то! – пробормотала она растерянно, поймав свое бледное отражение в зеркальной двери шкафа. – Что за дура звонила, интересно?

Дура забыла представиться. Да и вообще вела себя довольно-таки странно. Вздыхала, чем-то шуршала, свистела. Складывалось такое ощущение, что она записывает их разговор и неисправная аппаратура фонит, издавая такие неприятные звуки. Но этого быть не могло по сути своей. Кому, интересно, нужно записывать бессвязный лепет двух незнакомых между собой женщин, одна из которых, между прочим, еще не совсем проснулась? Словно в подтверждение этого довода, Полина широко и протяжно зевнула. Завози-

лась, натягивая до самого подбородка теплое пуховое одеяло, зачехленное шелковым пододеяльником, закрыла глаза, пытаюсь уснуть, но тут же снова их открыла.

Прекрасное начало дня, нечего сказать! Какой-то идиотке вздумалось скоротать время: она садится за телефон, берет в руки городской справочник и начинает обзванивать тех людей, на фамилиях которых по какой-либо причине остановился ее взгляд. Могло такое быть? А почему нет! Очень даже могло... если бы телефон был записан на нее и еще если бы их номер вообще значился в справочнике. Ни первого, ни второго не было. Телефон был зарегистрирован на мужа, в справочнике он не значился, а дама между тем уточнила ее имя и фамилию, прежде чем начать говорить.

Что именно она сказала? Полина в тот момент еще не совсем проснулась, не очень четко могла соображать, а в этом деле ей не было равных, и потому дословно их краткий диалог припоминала с трудом. Нет, стратегическую направленность разговора она помнит. Просто в тот момент она не заостряла внимание на паузах, интонации, одним словом, на всем том, что могло бы навести ее на какую-то мысль. Что-то, кажется, было о том, что ее муж мерзавец и что он ее обманывает.

Ее милый славный Женечка ее обманывает?! Этого не могло быть! И совсем даже не потому, что он был до мозга костей порядочным человеком, в конце концов, и на старуху бывает проруха, а потому, что обмануть конкретно ее, Поли-

ну, было абсолютно невозможно. Ну наградил господь ее такой способностью, что тут поделаешь! Она каждым нервом чувствовала фальшь. Могла в любом неприязненном к себе отношении рассмотреть хорошо завуалированную симпатию и наоборот...

О своем муже она знала все, потому что именно она его создавала. Как талантливый скульптор, год за годом Полина создавала из хорошей заготовки великолепное творение, призванное стать ее спутником на всю оставшуюся жизнь.

Ей ли было не знать, почему он хмурится или улыбается. Кто еще мог посоветовать ему, что именно надеть на вечер по случаю юбилея, а что – для выезда за город. С кем из деловых партнеров ему следует переступить черту просто делового общения, а с кем ограничиться рамками, не выходящими за порог кабинета. Каждая морщинка на его лице, каждая складка в уголках его рта, каждый взмах руки могли рассказать ей о том, что для других оставалось тайной.

Полина знала своего Женьку уже целых три года, два с половиной из которых они прожили бок о бок, не расставаясь больше чем на время, ограничивающееся его рабочим днем. Он все время был у нее на виду. Кто мог после этого заявлять, что он ее обманывает? Да, это, пожалуй, самый главный вопрос, которым ей стоит забивать себе голову сегодняшним утром. Не то, каким именно образом обманывает ее Женька, потому что такое просто само по себе исключается. А то, кому это вдруг понадобилось нагадить ей в душу,

да еще с самого раннего утра. То, что имелось целью испортить ей настроение или, того хуже, вбить между ней и мужем клин, было очевидным. Это Полина мгновенно просекла своим прославленным чутьем, объяснения которому она никогда не находила и которое ее еще ни разу не подвело в этой жизни.

Вопрос «кому это выгодно?» оставался открытым, поскольку круг ее общения ограничивался мужем, домработницей и семейством ее сестры Ирки.

Муж исключался, поскольку ни одному здравомыслящему человеку не придет в голову наговаривать на самого себя.

Домработница была настолько приятна, хлопотлива и необременительна, что Полина ее порой даже не замечала в своем доме, к тому же платили ей щедро и часто делали подарки. Пилить сук, на котором эта женщина сидела прочно и беспроblemно, она бы не стала.

С семейством Ирки вообще все было заранее известно, там некому было желать ей зла. Сестры очень любили друг друга. Иркиного мужа Антоху Полина всегда защищала и выгораживала, за что он ей был по гроб жизни обязан и любил ее как родную. К тому же заподозрить его в каких-то скрытых гадких мотивах Полина не могла уже по той простой причине, что Антохе было некогда заниматься подобной ерундой. Занятости этого неплохого по сущности своего человека могли позавидовать многие. Все свободное от работы время, а работал он в налоговой, Антоха бывал пьян.

Думать о нем как о возможном претенденте на роль подозреваемого Полина не могла.

Все, больше она практически ни с кем не общалась. Кровных врагов не имела. Все ее подруги остались в прежней холостой жизни. С супругами Женькиных сослуживцев Полина даже не созванивалась, ограничиваясь встречами на званых вечерах.

Кто же тогда?! Она откинула край одеяла и критически осмотрела всю себя от кончиков пальцев на ногах до самого верха, насколько позволил ей угол ее зрения. Может ли Женька желать другую женщину, имея в своей жизни ее? Хм-м, вопрос, конечно, интересный, могущий вывести ее бог знает на какие уровни рассуждений. Может, конечно же, может, потому что с мужиками в этом плане вообще все непонятно: кого они любят, а кого замуж берут и кого потом снова любят. Но вообще-то с ней все в полном порядке. Все пропорционально, бархатисто, свежо и подтянуто. А все почему? А все потому, что три раза в неделю шейпинг, два раза – бассейн, солярий и массаж, косметологом опять же не брезгует. Откуда тут взяться времени, чтобы перейти кому-нибудь дорогу? Полина порой едва успевала вернуться домой к тому часу, когда возвращался с фирмы Женька.

Нет, надо искать где-то еще. Она тут точно ни при чем. Здесь явно кто-то копает под ее мужа: либо завистники, либо конкуренты, либо какая-нибудь тайная воздыхательница, о существовании которой они оба не подозревают. Последнее

не исключалось, поскольку ее супруг был мечтой любой женщины. В нем почти все было совершенным. Не подмеченные другими шероховатости были доступны только ее глазам, и ничьим более.

Полина отыскивала взглядом их свадебную фотографию в красивой рамке на стене напротив входа. Кругом розы, розы, розы. Их счастливые улыбающиеся лица, два бокала с шампанским, звон которых она слышит до сих пор. «Шикарная пара»... так все о них говорили. И даже злобная мачеха, которую они с Ирккой долго и преданно ненавидели, не удержалась от комплимента. Высокие, под стать друг другу. Черты лица утонченные. Темно-русые волосы и ярко-синие глаза делали их очень похожими, в чем тоже был увиден перст божий. Одним словом, союз был идеален. Кто же тогда смеет утверждать обратное?

Полина посмотрела на часы и невольно чертыхнулась. Надо же! Ровно полчаса, аж целых тридцать минут она промучилась, думая бог знает о чем! Нет, с этим делом надо завязывать, а то еще додумается до такого, что начнет к Женьке с вопросами приставать, а это уж точно до добра не доведет.

Она откинула почти невесомый край одеяла, свесила ноги и, нашарив мохнатые теплые тапочки, пошла бродить по дому.

Ох, как она любила это делать, кто бы знал! Нет, пожалуй, Ирка точно знала. Она тоже любила прогуливаться по своей квартире. Любила вещи, которыми окружила себя и

которым знала цену. Любила утренние часы безмолвия, когда никого, кроме нее, в доме нет. Любила поворковать над цветами, которых у сестер было в изобилии. И еще любила поворошить прошлое. Да-да, то самое их общее прошлое, что предшествовало теперешнему блаженному теплу, уюту и довольствию.

Их с Ирккой прошлое не было полным лишений и нужды – отнюдь. В доме отца всегда водились деньги. Они всегда были накормлены и одеты. Но этот дом никогда не был им родным домом, он всегда был и оставался домом их отца, его второй жены и ее дочери. Все в нем было неприкасаемым и не принадлежало им, что подчеркивалось при каждом удобном случае. Наверное, именно поэтому всю свою сознательную жизнь сестры мечтали о собственном доме. О том самом месте, где будут полновластными хозяйками только они – и никто более. Могла ли Полина после того, как ее мечтам суждено было сбыться, пустить все это под откос из-за какого-то дурацкого звонка? Нет, конечно же!

– Ух ты, моя хорошая! – восхищенно выдохнула она, остановившись перед огромным горшком с цветущей азалией. – Сейчас мамочка тебя польет водичкой, повернет к свету другим бочком, и тебе будет славненько...

Их дом был одноэтажным, но очень большим, раскинувшимся на большей территории выделенного им под строительство участка. Огромная гостиная, две спальни для гостей, их с Женькой спальня, кухня-столовая, бильярдная с

примыкающей к ней сауной, в которой разместился даже крохотный бассейн. Три душевых и одна огромная ванная комната. И еще веранды, веранды, куда по весне вытаскивались цветочные горшки и где они часто принимали гостей, а то и просто засиживались с Женькой допоздна. Каждая комната была выполнена в своем стиле, что избавляло, по ее мнению, от однообразия. Дизайн каждой из них подолгу обсуждался, прежде чем быть примененным. Могла ли она после этого от всего вот так запросто отказаться? Начать подозревать своего ненаглядного Женечку во всех смертных грехах и день и ночь отравлять ему жизнь необоснованными претензиями? Ответ был однозначным – нет!

Обойдя весь дом, не забыв все кладовки и крохотные коридорчики, Полина пошла в кухню.

Все бело-голубое, включая жалюзи на окнах и напольную плитку. Свежо и приятно. Ее именно в этом и убеждали, уговаривая сделать кухню бело-голубой. Ненадоедливо, изысканно и в то же время не режет глаз затасканностью деревянного шпона.

Полина оседлала высокий табурет у стойки, с удовольствием провела ладонью по хромированной поверхности и потянулась к кофеварке, стоящей под сенью огромного папоротника. Кофе она молола всегда с вечера и тогда же засыпала в кофеварку, чтобы утром, как сейчас, только протянуть руку и щелкнуть кнопкой. Через минуту-другую по кухне поплыл неповторимый аромат. Полина слезла с табу-

рета, взяла свою чашку из сушилки, всыпала туда две ложечки сахара и ложку сухих сливок, потом налила туда поспевший кофе и пошла к обеденному столу. Он располагался по другую сторону от стойки, которая, в сущности, выполняла функцию разделительной полосы между кухней и столовой. Стол был огромным, овальной формы, всегда накрытый накрахмаленной скатертью. Цвет скатерти менялся в зависимости от времени года. Сейчас вот, например, он был прозрачно-голубым, точно таким же, как небо за окном. Нежный, почти неуловимый голубой цвет апрельского неба с легким бризом невесомых облаков.

– Славно как... – прошептала еле слышно Полина, попивая кофе маленькими глотками. – Что может быть лучше...

Лучшего желать было просто невозможно. Каждое утро, обойдя свой дом, она садилась к этому столу, пила кофе, смотрела в окно и неторопливо обдумывала планы на день. Именно неторопливо, потому что беззаботная жизнь, по мнению Полины, не терпела суеты. Как только позволишь себе поторопиться либо начать считать минуты, складывая их в часы, то тут же и упустишь главное. Тут же перестанешь ценить блаженное состояние покоя, которым она очень дорожила и которое всячески культивировала.

Кофе в чашке кончился. Теперь нужно было встать и приготовить себе легкий завтрак. Это могло быть все что угодно. Овсянка либо какой-нибудь салатик, а можно было все это заменить яичницей, запить соком. Потом еще одна чаш-

ка кофе с печеньем. И в душ. Потом... А что потом? Ах да, на потом у нее запланирована встреча с парикмахером. Надо было слегка оттенить волосы, подстричь челку и подровнять посеченные кончики. Во второй половине дня бассейн и...

– Черт! – Полина поднялась, с раздражением громыхнула стулом, поймав себя на мысли, что не может думать о планах дня сегодняшнего с былым удовольствием и неспешностью.

Хотелось ей того или нет, но утро получилось каким-то скомканным, разорванным на временные промежутки до и после этого нелепого звонка. И оттого, наверное, в ее душе поселилось смутное беспокойство, которое она, сколько ни пыталась, не смогла вытравить.

«Иногда удар не попадает в цель, но намерение не может промахнуться...»

Кто это сказал? Она не помнила. Фраза отчетливо запечатлелась в мозгу, а имя автора прошло мимо. Но как же он был прав, черт возьми! Тысячу раз, миллион раз прав, сказав подобное.

Незнакомка уж точно не промахнулась. Ее намерение вошло-таки в мозг Полины и тут же начало въедливо прокрадываться в каждую ее беззаботную мысль, разбивая на молекулы и делая их совершенно никчемными и пустыми.

Полина ополоснула чашку, сунула ее на привычное место в сушку и пошла из кухни. Завтракать расхотелось. Нужно было срочно принять контрастный душ и позвонить Ирке. Одна голова хорошо – а две лучше. Она-то уж точно что-

нибудь посоветует.

Полина вошла в душевую кабину и открыла краны. Пятнадцать минут она истязала себя, чередуя теплую и совершенно ледяную воду. Вымыла голову, хотя не собиралась этого делать, раз намечен визит к парикмахеру. Долго и самозабвенно красилась перед увеличительным зеркалом, находя сегодня свою внешность почти безукоризненной. Затем так же тщательно подбирала одежду на сегодня, остановившись на новом костюме из тончайшей кожи, имитирующей вытертую джинсовую ткань. Под курточку надела тонкий свитерок нежно-голубого цвета. Минут десять крутилась перед зеркалом, то распуская волосы по плечам, то собирая их вверх. Потом вдруг обессиленно опустилась в кресло и едва не расплакалась.

Кого она пытается обмануть? Перед кем затеяла эту бессловесную игру, примеряя наряды и ероша волосы, стараясь выглядеть более сексуальной и притягательной? Ясно же как божий день, что покоя ей теперь не будет. Она так и будет маяться день за днем, час за часом, изводя себя подозрениями и недоверием. С этим надо было срочно что-то делать. Просто необходимо задушить эту гнусность в себе на самом корню, пока она не пустила корни и не расцвела буйным цветом, отравив все вокруг нее.

Полина порывисто поднялась с кресла и метнулась к телефону. Ирка, должно быть, уже проснулась.

В отличие от нее сестра не бросила работу, выйдя за-

муж. Должность старшего менеджера-консультанта ее вполне устраивала. Не нужно было в обязательном порядке скакать утром на службу. Рабочее время она выбирала сама в зависимости от нужности и важности момента. В результате оно ограничивалось тремя-пятью часами в день. И начинался, как правило, ее рабочий день после полудня, так что самое время было позвонить.

– Алло, – буркнула сестра, сняв трубку почти сразу же.

– Привет, Ирин, спишь? – Полина виновато засопела в трубку.

– Ага, спишь! С тобой, пожалуй, выспишься! Что ты звонишь ни свет ни заря? Я вчера около двенадцати с работы вернулась. Голова трещит от цифр. Это ты у нас существо беззаботное...

Удивительное дело, как успокаивающе действовал на Полину ее голос. Пусть в нем порой сквозило недовольство, пусть иногда прорывались и сарказм, и горечь – все это было не важно. Важным было то, что Полина могла его услышать в тот момент, когда захочет. И это ей, невзирая на Иркину занятость, всегда прощалось.

– Что звонишь-то? – послышался ее отчетливый зевок. – Ноготь сломала или кофейные зерна попались не того сорта?

– Нет. – Полина горестно опустила уголки рта. Знала ведь, что делать этого не следовало, потому что это провоцирует раннее появление носогубных морщин, а вот поди же ты, не сдержалась. – Мой маникюр в полном порядке. И кофе был

просто отличный.

– Тогда что? – Голос Иры сделался прерывистым. Наверное, встала с кровати и пошла с трубкой в руках обходить собственное жильё. – Слышишь, Полинка, у тебя азалия цветет?

– Еще как цветет!

– У меня тоже! Класс просто! И цикламен розовый весь в бутонах. Просто праздник для души.

– Ага, мне сегодня тоже такой праздничек устроили, – вклинилась Полина, хорошо зная особенность сестры говорить о цветах долго и безостановочно. – Представляешь, звонит в половине девятого какая-то дура, уточняет мое имя и фамилию, представляешь?!

– Не совсем. – Ирина явно заинтересовалась и присела куда-то, потому что голос ее сделался ровным, без характерных скачков. – И что ей было нужно, в такую-то рань?

– Ты знаешь, я и сама не поняла. Не представилась, во-первых. Начала городить какую-то чушь, что мой муж мерзавец, что он обманывает меня и все такое прочее... – Почему-то теперь, когда она начала говорить об этом вслух, все перестало казаться ей таким уж несущественным, приобретая почти зловещий оттенок. – Я даже толком и понять ничего не успела, когда она повесила трубку.

– А мужа этого самого она по имени не назвала? Может, она про какого-нибудь другого мужа говорила, а ты всех собак на себя готова повесить. – Иринка беззаботно хмыкну-

ла. – Мало мужей на свете?

– У меня-то он один-единственный! Что ты городишь-то, не пойму! – возмутилась Полина легкомыслию сестры. – Она не назвала его по имени...

– Ну, вот видишь, – безапелляционно перебила ее Ирина.

– Что видишь-то?! Что видишь?! Если она назвала меня Кирилловой Полиной! И сказала, что мой муж мерзавец, и что он меня обманывает, и скоро что-то начнет происходить, и еще что-то лопотала, я уже не помню! А у меня – у Кирилловой Полины – только один муж. И выходит, что именно меня он и обманывает! – Она замолчала, тяжело дыша, и тут же уставилась в потолок, часто моргая, чтобы не заплакать и не испортить совершенный макияж, над которым трудилась достаточно долгое время.

– Хм-м. – Ирина задумалась и какое-то время тоже молчала, но, правда, недолго, съязвив не к месту: – И тебя теперь разбирает любопытство: ну как же именно он тебя обманывает? Как?!

– Не любопытство, а вполне оправданный интерес! Почему ты издеваешься, не пойму! – задохнулась от возмущения Полина. – Я звоню ей, чтобы посоветоваться, а она издевается надо мной! Сейчас трубку повешу!

– Я тебе повешу, по макушке настучу быстро, – пообещала сестра с легким смешком. – И я совсем не издеваюсь над тобой, дорогая. Я просто пытаюсь направить твои мысли в нужное русло, чтобы ты не спрыгивала с катушек из-за ка-

кого-то идиотского звонка ошалевшей бабы. Чтобы ты, упаси тебя господь, не стала приставать к мужу с расспросами и чтобы ты не портила себе жизнь только потому, что стала предметом чьей-то зависти. Только и всего, милая моя.

– Ты думаешь... Ты и в самом деле думаешь, что это кого-то душит жаба? – Полина оторвала поплывший взгляд от потолка и посмотрела в окно. Там по-прежнему было солнечно и по-весеннему приятно.

– Конечно, господи ты боже мой! Именно! А ты что подумала, дуручка? И в самом деле подумала, что Женька твой тебя обманывает? Тебя?!

– Нет, но...

– Вот именно, что но! Это твое «но» дорогого может стоить, Полина, поэтому заклинаю тебя: не забивай голову ерундой! – Иринка беззаботно хохотнула и тут же без переходов сказала: – Признавайся, разглядывала себя на предмет сравнительного анализа с возможной соперницей? А? Разглядывала?

– Ну... допустим, и что с того? – Проницательности сестры оставалось лишь позавидовать.

– Рассмотрела? Убедилась? – Иринка уже всю веселилась.

– В чем?

– В том, что тебе равных нет, дуручка! Такое совершенство родится не каждое столетие!

– Придумаешь тоже. – Полина заулыбалась, тут же пойма-

ла свое отражение в зеркале огромного шкафа и не без удовольствия отметила, что в чем-то сестра все-таки права.

– Я ничего не придумываю, Полин. Ты у нас совершенна. Мало того, тебе природой отмерено и ума в достатке в доверок к твоей внешности. Мне иной раз даже страшно становится, насколько ты безукоризненна. Таким женщинам, как ты, не изменяют. – Ирина снова протяжно, с хрустом, зевнула и недовольно буркнула: – Стоило будить меня из-за такой ерунды.

– Ладно, не обижайся. Только... – Полина замаялась, не зная, как снова вернуть Ирину к нужной теме.

– Что опять?!

– Только она ведь не говорила об измене, эта женщина. Она говорила об обмане, понимаешь!

– Нет, если честно. – Все, теперь в Ирином голосе проступила брюзгливость, что могло означать лишь одно: Полина ее таки достала. – Что ты хочешь вообще услышать от меня?! Если он тебе не изменяет, в чем я убедила тебя на все сто, то о каком еще обмане у тебя может болеть голова? Деньги он от тебя на презервативы ныкает? Или в клуб гомосексуалистов записался?

– Тьфу, тьфу, тьфу! Скажешь тоже! – Представить своего сугубо гетеросексуального Женечку в обществе липких гомосексов Полина не могла.

– Тогда отвали и дай отдохнуть как следует. У меня сегодня не менее напряженный день. Отчеты, отчеты, сплошные

отчеты.

– Ладно, Ирин. – Полина поспешила извиниться и тут же, спохватившись, поинтересовалась: – Как Антон?

– Вспомнила! – фыркнула пренебрежительно Ирина. – Что ему сделается? Вчера из банкетного зала еле теплого доставили, отмечали день рождения чей-то. Сегодня тоже просил не ждать. Гад!

Ирина еще немного позлословила на предмет своего равнодушного отношения к супругу, потом пожелала сестре удачи и повесила трубку.

Полина представила, как сестра сейчас, отчаянно зевая, с жутким стоном снова валится на кровать, зарывается лицом в подушку и уже через минуты три начинает сонно посапывать. Все, на этом свою миссию она посчитала законченной, то есть развела руками все беды Полины и теперь может спать спокойно. Ира же не могла знать, к примеру, что разговор с ней еще больше растревожил Полину и что все ее заверения на предмет того, что, кроме супружеской измены, никаких страхов для нее существовать не может, были абсолютно необоснованными.

Не мог же вот так запросто прозвучать этот звонок! Не мог, это однозначно! Какая-то цель все же имелась! Какая?!

Осторожно подергали дверную ручку, и тут же повернулся ключ в замке. Пришла Нина Ивановна. Что-то рано сегодня.

Полина поспешила в прихожую. Огромный, задекориро-

ванный зеркалами и пластиком холл цвета слоновой кости. Все шкафы встроены так, что об их существовании можно только догадываться. Видимыми глазу остались только стены и две большие кадки с пальмами. Было еще несколько почти невесомых полок с какими-то хрупкими безделушками. Полина их никогда в руки не брала, из опасения уронить и разбить. Любовалась все больше со стороны. Потолок – полусферой, мозаичный. Господи, сколько же денег они вбухали в отделку этого дома! А вдруг все это будет, но уже без нее?! Вдруг кого-то другого будет радовать все это великолепии, которое она создавала и которое выстрадала, мечтая о таком с детства?..

Нет! Черта с два! Просто так, за здорово живешь, она никому и ничего не отдаст!

Видимо, эти мысли слишком уж отчетливо отразились на ее лице, потому что Нина Ивановна, внимательно на нее посмотрев, осторожно поинтересовалась:

– Полиночка, с вами все в порядке?

– Да, все нормально вроде бы. А почему вы спросили? – Полина с подозрением, которое было противно ей самой, уставилась на домработницу.

Нина Ивановна в этот момент как раз снимала с себя легкий плащ и аккуратно устраивала его на плечиках, чтобы потом спрятать его в одной из зазеркаленных ниш.

Среднего роста, крепенькая, энергичная, невзирая на то, что ей уже за шестьдесят. Одежду всегда предпочитала спор-

тивную. Легкие брюки и какая-нибудь кофточка, а то и в спортивный костюм вырядится. Всегда приветлива. Полина ни разу за минувшие годы не видела ее удрученной. Что она могла знать о своей домработнице? В сущности, ничего. Нанимал ее на работу Женька. Просто привез однажды в их дом, познакомил и сказал, что она будет помогать ей по хозяйству. Фактически Нина Ивановна полностью взвалила на себя это самое хозяйство. Все содержалось в идеальном порядке. Никогда и ни по какому поводу у Полины не было к ней претензий.

Стала бы она гадить ей таким вот способом: звонить и наговаривать на мужа? Нет, вряд ли. Ей просто-напросто незачем этого делать.

– Вы что-то очень бледненькая сегодня, Поляночка. – В голосе Нины Ивановны отчетливо проступило простое человеческое участие, и Полина тут же застыдилась. – Вы кушали что-нибудь или опять один кофе употребляли?

– Кофе, да... А есть что-то не хочется. – Полине сделалось неловко под ее пристальным изучающим взглядом. – Аппетита нет сегодня.

– Простите, а вы, случайно, не беременны? – От уголков ее глаз тут же разбежалась тонкая сетка морщинок, так она всегда улыбалась. – А что вы так смущаетесь? Дело молодое. Вы оба здоровые, красивые, обеспеченные. Вам ли детей не иметь?! Вам их нужно кучу целую, ребятишек-то!

– Нет, я не беременна. Мы пока не думали об этом с Же-

нечкой. Рано...

– Рано?! – Нина Ивановна тут же округлила глаза в изумлении. – Когда же будет в самый раз-то? Когда на пенсию соберетесь? Эх, молодежь! Надо же... Вы, Поляночка, извините меня, что я разговорилась сегодня без меры, но ребеночек вам совсем даже не помешает. А коли боитесь трудностей, так я вам помогу. Мне не привыкать. Я же всю жизнь в родильном доме детской медсестрой проработала. Так такого насмотрелась там, ужас просто! И больные, и нищие, и убогие – все рожают, не боятся. А вы такая пара шикарная, представьте себе только, какие детишки у вас родятся красивые и талантливые.

Представлять Полине не хотелось – пока что они с Женей нужды в детях не испытывали. И не то чтобы они совсем не планировали их иметь, нет. Просто о возможных сроках они даже не разговаривали, отодвигая все это на потом. Слишком много было нужно успеть... Столько всего им обоим предстояло сделать, прежде чем увеличивать семейство. А тут еще и новая проблема, о которой никто и думать не думал и гадать не гадал.

– Вы уходите, милая? – Нина Ивановна уже успела обрядиться в передник и вооружиться пылесосом.

– Да, у меня на одиннадцать назначен парикмахер. Пообедаю в городе. Потом примерка у портнихи, так что дома не знаю когда буду, – все это Полина наговаривала, обуваясь в короткие сапожки на тонкой шпильке, поправляя волосы

перед зеркалами и вдевая руку в узкую дужку дамской сумки. – Если Женя вдруг позвонит, скажите, что...

Она поймала в зеркальном отражении вопросительный взгляд Нины Ивановны, направленный ей в спину, и, передумав, закончила не так, как хотела:

– Скажите, что на ужин мы приглашены к Свиридовым. Он об этом знает, но напомнить лишний раз не помешает.

– Хорошо, Поляночка. Я передам непременно.

Полина вышла из дома и только тогда смогла перевести дыхание. Почему она не сказала того, что хотела? Почему? Ведь собиралась передать через Нину Ивановну, что заедет к Женьке на службу и заберет его с собой и они где-нибудь пообедают вместе, как бывало не раз. Почему же не сказала? Уж не потому ли, что хотела нагрнуть к нему как бы невзначай? Застать его врасплох, так сказать, поймать его на чем-то. Боже, как низко! Так гадко на душе, что впору падать перед ним на колени и каяться во всем, что произошло. И хотя и произойти-то толком еще ничего не успело, Полина чувствовала, что такой, как раньше, она уже не будет. Что ее теперь так и будет глодать червь сомнений. И что она не успокоится, пока не удостоверится в обратном. Видимо, та женщина совсем неплохо ее знала, позвонив и наговорив такое, или была неплохим психологом, сделав ставку на ее вполне нормальное желание разобраться в возникшей неясности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.